

Активизм и угнетение

Каким группам анархисты адресовали свою пропаганду? В XIX веке они часто обращались к народным массам, но, поскольку идея масс была присвоена нелиберальными, антидемократическими исследователями психологии толпы и европейскими элитистами, такими как Роберт Михельс, массы стали ассоциировать с иррациональностью и рассматривать как стадо, которое следует бояться и презирать. Однако анархисты относятся к массам как к наиболее многочисленному и наиболее обездоленному большинству. Дебаты между анархистами о классовой принадлежности и интерсекциональности выявляют некоторые противоречия в этой концепции и помогают понять, как анархисты решают проблему угнетенных народов.

Классы

Критика доминирования дает анархистам широкое поле для выявления фактов угнетения. Комплексный анализ притеснений со стороны государства и капиталистической эксплуатации также служит благоприятной почвой для создания альянсов с социалистами неанархического толка. Сами анархисты часто становились деятельными профсоюзными лидерами и реализовывали порой агрессивные антибуржуазные программы с целью мобилизации классовой активности: найти язык классовой борьбы в письменных трудах анархистов несложно. В этом контексте «Манифест мексиканской либеральной партии», составленный в 1911 году Рикардо Флоресом Магоном, местами почти неотличим от «Манифеста коммунистической партии» 1848 года Маркса и Энгельса:

«Человечество остается разделенным на два класса с диаметрально противоположными интересами — класс капиталистов и класс рабочих; класс, владеющий землей, орудиями производства и средствами транспортировки богатств, и класс, которому приходится полагаться на свою физическую силу и ум, чтобы выживать.

Между этими двумя социальными классами невозможны узы дружбы или братства, ибо имущий класс стремится навсегда закрепить существующую экономическую, политическую и социальную систему, которая гарантирует ему безмятежное наслаждение плодами своих грабежей, в то время как рабочий класс прилагает усилия к тому, чтобы эту чудовищную систему разрушить и создать такую, при которой земля, дома, орудия производства и транспортные средства будут находиться в общем пользовании»[211].

Однако исследование Магона было типично анархическим в том смысле, что оно опиралось на критику частной собственности и власти. Говоря о классах, анархисты зачастую уделяли вопросам социальной изоляции и зависимости не меньше внимания, чем вопросам, глубоко волнующим марксистов, таким как право собственности на средства производства и извлечение прибавочной стоимости. Некоторые же положения теории Маркса анархисты

отвергали в принципе и в целом редко принимали ее без критики.

Возражение анархистов против марксистского анализа классовой структуры заключается в том, что в его основе лежит тезис о прогрессе. Марксисты склонны рассматривать революцию как результат процесса изменений, вызванных преобразованиями в экономике, вследствие чего возникает солидарность рабочих и осознание коллективной власти трудящихся как революционной силы. Не упоминая самого Маркса, Александр Беркман приводил аргументы против марксистов. Идея о том, что у рабочих есть «миссия», представлялась «ложной и вводящей в заблуждение концепцией, по сути, религиозной, метафизической мыслью». В ней ошибочно «предполагается наличие обязательства или задачи, навязанной извне, некоей внешней силой». Комментируя эту точку зрения, Беркман добавлял: «Нет силы вне человека, которая могла бы его освободить... Ни Бог, ни история не могут этого сделать». История может «преподать урок», но она не может «навязать задачу».

Второе возражение, вытекающее из первого, касается исторического определения пролетариата как «универсального класса освободителей» и особого статуса, которым марксизм наделяет городских промышленных рабочих как проводников революционных изменений. Анархисты считают, что ставка Маркса на пролетариат ошибочна и лишь вносит раскол в общество.

Те из анархистов, кто отвергал идею Маркса об универсальном революционном классе, но при этом соглашался, что среди угнетенных можно выявить потенциальных агентов революции, утверждали, что Маркс неправильно понимал саму природу угнетения при капитализме. Маркс заблуждался, ожидая, что пролетарии — рабочие, обладающие наибольшими преимуществами, — будут бороться за революционные изменения: наоборот, наиболее революционным был люмпен-пролетариат, ненадежные группы, которые он сбрасывал со счетов как «отбросы общества»[212]. Мисс М. П. Лекомпт, делегат от бостонских революционеров на лондонской конференции 1881 года, сфокусировалась в своей речи на бродягах:

«Это самый разумный из всех революционных элементов народа, поскольку он не относится ни к одному из классов. Бывшие студенты, актеры, клерки, рабочие — все они оказались выброшены на обочины американских дорог как бродяги после разорения фирм, банков и торговых домов в результате великих кризисов, которые время от времени сотрясают жизнь американцев. Но в основном их ряды пополняют выходцы с заводов и фабрик, где были объявлены локауты, или те, кто попал в черные списки за участие в забастовках... Став бездомными, они научились хватать все, что плохо лежит... убивать ищеек, которых натравливают на них фермеры, сжигать амбары, подрезать сухожилия лошадям и держать окружающих в таком страхе, что фермеры начали с радостью откупаться от них едой, той самой, которой не пожелали делиться из сострадания. Теперь эти бродяги вернулись на производство. Поддерживайте в цехах ту же атмосферу, в которой вы существовали на улице... Работодатели говорят так: один вернувшийся бродяга станет той паршивой овцой, которая испортит стадо из сотни приличных рабочих»[213].

Утверждение, что классовая теория Маркса вносит раскол в общество, изначально заостряло внимание на подчинении устремлений сельских тружеников интересам промышленного пролетариата. С точки зрения анархистов Европы, а также Центральной и Южной Америки, где нормой были огромные поместья, контролируемые землевладельческой элитой, марксизм не только игнорировал тяжелейшее положение сельской бедноты, но и обходил вниманием острую проблему землевладения как отвлекающего от реальной революционной политики фактора. По словам делегата от Мексиканской конфедерации труда на той же лондонской конференции, «социальный вопрос в Мексике — это аграрный вопрос, так же как в Ирландии и России»[214]. Обеспокоенные тем, что игнорирование нужд крестьян поощряет высокомерие городского пролетариата, европейские анархисты, такие как Реклю, особо подчеркивали, что в революционные проекты вовлечены обе группы рабочих. Сельские труженики — это не мужичье, не реакционеры, не холопы и не часть «идиотизма деревенской жизни», как считал Маркс[215].

Впрочем, Беркман, в отличие от Реклю, соглашался с марксистами в том, что городские рабочие с большей вероятностью, чем их сельские коллеги, возглавят борьбу против капитализма. Пролетарскую борьбу он называл «заботой каждого». При этом он также считал, что освобождения трудящихся необходимо добиваться в «содействии с другими социальными группами». «Если промышленный пролетариат — это передовая гвардия революции, — рассуждал он, — то сельский рабочий — ее главная опора». Вывод Беркмана состоял в том, что «социальная революция зависит как от промышленного рабочего, так и от труженика села»[216].

Оба довода были доработаны писателем и литературным критиком Густавом Ландауэром. Как и Беркман, Ландауэр критиковал классовую теорию Маркса, полагая ее ошибочной. Попытки Маркса научно обосновать, каким образом и по какой причине пролетариату суждено осуществить социалистическую революцию, представлялись «абсурдными и нелепыми»[217]. Однако новаторство аргументов Ландауэра заключалось в том, что он называл представления Маркса о классе социологически неверными и социально репрессивными.

Что касается первого пункта, Ландауэр настаивал на том, что угнетенные составляли гораздо более широкую группу, чем та, которую включала концепция Маркса. Анализируя городские условия и изменения, произошедшие в капиталистическом обществе в конце XIX века, он отмечал, что появились совершенно новые категории рабочих: сотрудники розничных магазинов, проектировщики, технические специалисты, разнообразные мелкие чиновники, профсоюзные и партийные работники. Те, кто входил в эти группы, не были пролетариями, однако же зависели от потребителей товаров и услуг и «с психологической точки зрения» не без оснований относились к категории рабов[218]. По мнению Ландауэра, угнетенные — это обширная масса рабочих, не заинтересованных в поддержании капитализма: те, кому постоянно грозят безработица, обнищание в старости, производственные травмы и болезни, те, кому ограничен доступ к товарам повседневного спроса, средствам духовного и культурного развития. В их число входили «малообеспеченные писатели и художники, врачи, военные», а также промышленные рабочие. А поскольку капитализм подразумевал нестабильность и постоянную миграцию

между социальными группами, эту массу также составляли «бездельники, бродяги, сутенеры, мошенники и закоренелые преступники» — те самые люмпены, о которых говорила мисс Лекомпт[219].

Чтобы подчеркнуть опасность обобщения, присущего марксистскому анализу классовой структуры, Ландауэр сравнил подход Маркса к классу с апеллированием националистов к нации: оно было призвано навязать единый, неизменный образ жизни разным сообществам. Такой подход был в корне неверным, поскольку не учитывал многокомпонентность человеческого общества. По сути, оно всегда представляло собой «общество, состоящее из обществ; лигу, состоящую из множества лиг; содружество, состоящее из множества содружеств; республику, состоящую из множества республик»[220]. Марксистская теория классовой борьбы исключала многообразие пролетариата, не говоря уже о всей массе угнетенных. Втягивая рабочих в соглашательские союзы политических партий, их призывали жертвовать своими интересами во благо пролетариата, заниматься революцией, но при этом воспитывали в них конформизм. Ведь, несмотря на статус революционеров, которым их наделил марксизм, в официальных профсоюзах рабочим было выгоднее поддерживать систему и манипулировать ею в своих собственных целях, чем разрушать ее. Отсюда следовал вывод, что марксистский курс на классовую борьбу делает несостоятельной социалистическую концепцию развития. Одержимый идеей установить контроль над средствами производства, Маркс не учитывал опасности загромождений от промышленного производства, вызываемую рутинным трудом апатию и структурные воздействия капиталистических технологий. Анархисты хотели унаследовать землю, а не тот унылый и грязный мир, который сулил марксистский коммунизм в результате смены общественного строя.

Различные социальные типологии классов и системы классификации, разработанные анархистами с тем, чтобы отличать массы от элит, указывали на расхождения в понимании социальной однородности и сплоченности в контексте социальной борьбы. Малатеста использовал труд как критерий для отделения угнетенных от эксплуататоров. В широком смысле к рабочим обычно (но не всегда) относились те, кто занимался ручным трудом. Эксплуататоры вели праздную жизнь и либо напрямую эксплуатировали рабочих как собственники, либо использовали свои умственные способности, чтобы грабить рабочих опосредованным путем. Священники и юристы носили образное название «гангрены» и являлись обязательной частью класса эксплуататоров, равно как и журналисты. Классовая принадлежность «инженеров, врачей, художников и учителей» зависела от их непосредственной занятости; сапожники, врачи общей практики, учителя начальных классов, ремесленники, строители и медсестры относились к угнетенным[221].

Спустя 100 лет британская анархистская группа «Классовая война» (Class War) опубликовала доклад о классах, в котором в качестве главных определяющих факторов использовались социальный статус и ценность. Как и в схеме, предложенной Малатестой, в нем допускалась возможность преодоления классовых барьеров, но сами классовые преимущества закреплялись не только за профессиональной принадлежностью, но и за социальными взглядами. В отличие от среднего класса, рабочий класс рассчитывает исключительно на собственную силу для обеспечения своего благополучия. Средний класс имеет обусловленные образованием преимущества, поэтому является частью существующей

системы. Поскольку у среднего класса уровень образования выше, то и питание у него полноценнее, здоровье лучше и он более уверен в своих силах. Все это означает, что его можно «купить» способами, которыми не купишь рабочих. Средний класс сам не порождает социальную несправедливость, но при этом все равно остается врагом рабочего класса. Различные «неженки» из альтернативного среднего класса — «хиппи», «городские позеры» и прочие «бунтари без причины» — критикуют несправедливость капитализма, однако этот протест осуществляется с безопасных позиций и скорее поддерживает капитализм, нежели угрожает ему. Всевозможные узконаправленные кампании — за мир, экологию, феминизм и права животных — несут в себе явный признак классового преимущества. Это не те вопросы, которые волнуют рабочий класс, поскольку перед ним неизбежно «стоят... насущные проблемы: как получить работу или не потерять ее, как добиться повышения зарплаты, как найти жилье и в целом постараться получить максимум от жизни в довольно неприятном обществе, которое они не создавали»[222].

Таким образом, концептуализация классовых различий и антагонизма оказывает на активизм значительное влияние. От этого зависят не только суждения о том, кто такие угнетенные, но и о том, как можно — или как следует — задействовать массы.

Интерсекциональность

Понятие «класс» чаще всего используется анархистами, стремящимися заявить о своей связи с основными исторически сложившимися европейскими традициями. Оно реже появляется в трудах сторонников постлевой анархии, анархизма с маленькой буквы «а» и постанархистов, которые склонны дистанцироваться от прошлого. Между тем если классовый вопрос делит анархистов на два больших блока, то вопрос об интерсекциональности привносит новый аспект в дебаты об анархическом активизме.

Интерсекциональность — это позиция, согласно которой «притеснения на почве расовой, половой и классовой принадлежности, а также сексуальной ориентации» являются «взаимосвязанными»; при этом для борьбы с «основными системами угнетения», от которых зависят «условия нашей жизни», необходим «комплексный анализ и практика»[223].

Интерсекциональный подход к активизму не просто созвучен отказу «Классовой войны» от узконаправленной политики — он не приемлет само это понятие. Аргумент содержится в словах Одри Лорд: «Не может быть борьбы, направленной на решение одного вопроса, поскольку и наша жизнь не бывает ограничена одним вопросом»[224].

Многие анархисты с готовностью переняли язык интерсекциональности от чернокожих феминисток, которые первыми заговорили на нем. Однако мнения анархистов относительно того, как теоретизировать классовые и неклассовые притеснения и какие действия следуют из интерсекциональности, расходятся.

Одна из точек зрения, представленная Уэйном Прайсом, заключается в том, что «все виды угнетения взаимосвязаны, переплетены и оказывают этим друг другу поддержку». Прайс отвергает любой «строгий плюрализм», рассматривающий виды угнетения как «параллельные друг другу», но в то же время не соглашается с отказом «Классовой войны»

признавать неклассовые притеснения по той причине, что они представляют собой «узконаправленные» буржуазные отвлекающие факторы. Он также критикует основанное на бескомпромиссных установках марксизма мнение, что все виды угнетения обусловлены экономической эксплуатацией. Соответственно, Прайс утверждает, что шовинизм белых — это не просто «вопрос экономики»; расизм «влияет не только на экономику, но и на политику и культуру общества», а «угнетение женщин берет начало в доисторической эпохе и очень глубоко укоренилось в общественных структурах». Тем не менее экономическая эксплуатация связывает эти виды угнетения между собой: система рабского труда обусловлена «явно экономическими причинами»; угнетение женщин «напрямую влияет на классовую структуру и подвержено ее влиянию»; нарушение экологической среды «связано со стремлением капиталистов к постоянному накоплению капитала». Многие виды угнетения не зависят от изменения способов производства; будучи результатом всеохватывающей системы эксплуатации — государственной и капиталистической, — они неотделимы от нее. Виды угнетения, возникающие как результат динамики властных отношений, порожденных капитализмом и государством, имеют равный моральный статус, но вызывают довольно разнородные чувства. Более того, с точки зрения Прайса, экономическая свобода является неизменным или «необходимым элементом» освобождения, никак не связанным с классами. На примере палочек из игры в бирюльки он показывает, что «различные притеснения» опираются друг на друга и что некоторые из них могут располагаться «ближе к центру кучки, чем другие». На рис. 3.4 близость к этому «центру» обозначена большей толщиной «палочек», представляющих основные виды угнетения[225].

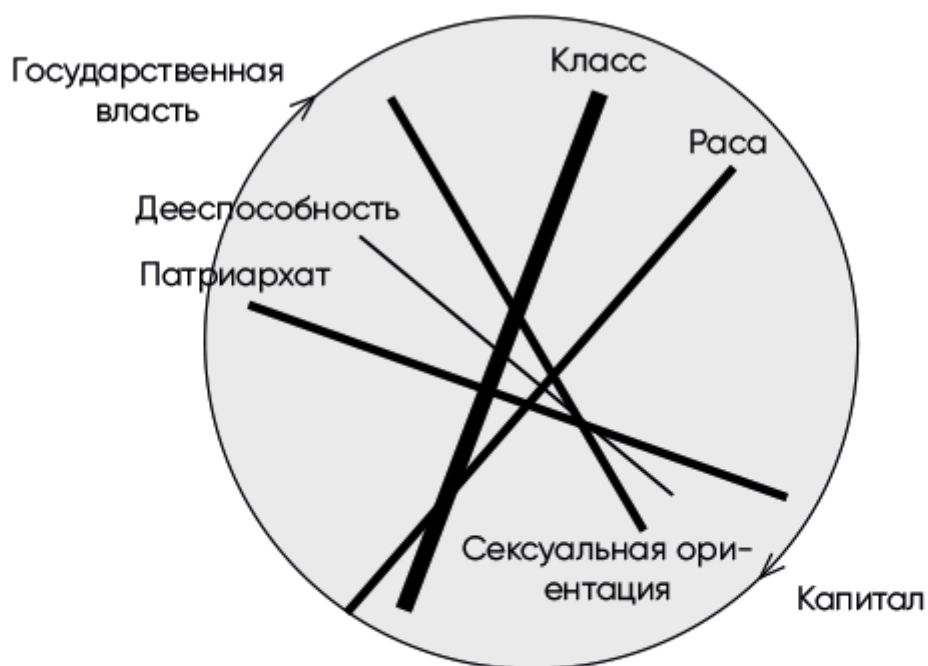

Рис. 3.4. Визуализация интерсекциональности, отображающая вес классового и других, не связанных с классовой принадлежностью, видов угнетения относительно друг друга в рамках капитализма и государства

противоположная точка зрения, в значительной степени находящаяся под влиянием постструктурализма, лишает капитализм статуса опоры для разных видов угнетения. Вместо этого рассматривается формирование отношений в системе власти с течением времени. Такой подход раскрывает институциональные и культурные процессы, в которых люди подразделяются на категории: чернокожие, женщины, натуралы, дееспособные, молодежь и т.д. Как и первый подход, он предполагает, что доминирование не является абстракцией, а ощущается физически, например при апартеиде и сегрегации, ограничении правоспособности в отношении собственности и гражданских прав, применении дискриминационных полномочий (разрешение заниматься разведением одних видов животных, а не других) и прочих запретах разного рода (выборочная криминализация деятельности). Кроме того, он отвергает психоаналитические изыскания, в которых «за объект исследования принимается метафорическое "пересечение" идентичностей». Это в некотором роде и есть тот строгий плюрализм, который критикует Прайс[226]. Однако описываемый подход предполагает, что доминирование проистекает из привилегий и несправедливости, которые являются следствием разделения на классы, — об этом Прайс ничего не говорит. Данный аргумент был убедительно изложен женской фракцией Анархической федерации Великобритании (Afed) при обсуждении нормализации и доминирующем типе мышления, характерного для белых мужчин. Это заявление стоит процитировать полностью:

“ «Разговоры о привилегиях наглядно демонстрируют: что нормально для тех, кто не испытывает на себе угнетения, не может быть принято как должное теми, кто ему подвергается. Сами разговоры о гомофобии уже свидетельствуют о существовании предрассудков в отношении того, как ведут себя геи и лесбиянки, а также о насилии, которому подвергаются люди за их сексуальную ориентацию. Трудно найти анархиста, который не осуждал бы такие вещи. Вместе с тем разговоры о привилегиях натуралов обнаруживают обратную сторону этой системы, невидимую: какое поведение считается "типичным" для натуралов? Гетеросексуальность рассматривается иначе, чем другие сексуальные ориентации, скорее как отсутствие "гомосексуальности". Тебе не нужно беспокоиться о том, не выглядишь ли ты "слишком гетеросексуально" на собеседовании при приеме на работу; или о том, что твои друзья-натуралы решат, что ты скрываешь свою принадлежность к натуралам, одеваясь или ведя себя недостаточно традиционно; или о том, что твои друзья-геи будут чувствовать себя неловко, если пойдут с тобой в клуб для натуралов; или о том, что они поставят тебя в неловкое положение какой-нибудь грубой остротой, увидев, как с тобой заигрывает представитель противоположного пола. Этот анализ выходит за рамки проблем дискриминации или предрассудков и касается самой сути того, что мы считаем нормальным и нейтральным, а что — необычным и иным; что нуждается в объяснении, а что принимается как само собой разумеющееся. Предрассудки в пользу того, чтобы быть натуралом, не считаются предрассудками, потому что они встроены в наше восприятие

Привилегии и иерархия

Первичное квалицирование (умственные способности, физические данные) и предоставленные права (посвящения, инкорпорирование) создают многочисленные пересекающиеся притеснения

Рис. 3.5. Визуализация интерсекциональности, отображающая сложные иерархии угнетения, обусловленные происхождением, социальным статусом и привилегиями

Классовые и постструктуралистские концепции интерсекциональности не являются взаимоисключающими, тем не менее в ходе дебатов между сторонниками этих концепций рождаются разнообразные стратегии. Анализ Прайса постулирует необходимость единства цели и солидарности пересекающихся групп, чтобы позволить активистам определять «самое важное» в конкретный момент времени. В отличие от ортодоксальной марксистской теории, Прайс не обуславливает освобождение женщин или людей других рас непременно предшествующим ему освобождением рабочих и не считает, что расизм и все прочие виды угнетения исчезнут, когда пролетариат положит конец капиталистической эксплуатации. Не существует прямого приоритета класса, а следовательно, не существует и потребности подчинять интерсекциональные кампании борьбе городского рабочего класса. Но интерсекциональные виды угнетения все же имеют относительный вес, и на этом основании активисты должны решать, куда направлять свою энергию в конкретный момент времени. Размышляя о выборе, белл хукс[9] утверждает:

«Если отойти от суждений по принципу "или/или" и задуматься о том, что в каждый день своей жизни, выходя из дома, мы представляем собой комбинацию расы, пола, класса, сексуальных предпочтений, религии и т.п., то что из этого выйдет на первый план? Думаю, безумием было бы считать, что люди не понимают того, что стоит на первом месте в их жизни в конкретный момент. К примеру, сейчас для многих американцев по причине экономической ситуации на первый план, как никогда прежде, выходит класс. Это не означает, что раса или пол не имеют значения; это означает только то, что... люди теряют работу и гарантии»[228].

Между тем постструктуралистский анализ предполагает наличие в самой борьбе противоречий и компромиссов, оказывающих серьезное влияние на активизм. Философ Ладель Макуртер поясняет: «Некоторые методы, которыми мы пытаемся бороться с расизмом, усиливают сексуальное угнетение; некоторые методы, которыми мы пытаемся бороться с сексуальным угнетением, усиливают расизм». К примеру, активистка движения солидарности мигрантов в Кале, охранявшая сквот, где жили чернокожие африканки, вынуждена была не пускать туда чернокожих мужчин без документов. При этом, будучи белой, она чувствовала себя неловко, хотя решение об охране принимала группа, в которой преобладали чернокожие женщины.

Подобные затруднения только усугубляются, если отличительные особенности, связанные с пересекающимися формами угнетения, начинают занимать центральное место в анализе доминирования и привилегий. Чтобы снять проблему, угнетенные группы могут, во-первых, самостоятельно организовываться и совместно противостоять «сетям сил», которые «вступают в сговор с целью заставить нас расходовать энергию по отдельности» и этим не дают «серьезно влиять на механизм власти»[229]. Во-вторых — пытаться достичь солидарности в рамках различных движений, не отрицая при этом существующих противоречий. Такой подход означает устранение дисбаланса сил, обусловленного незаслуженными привилегиями, в целях борьбы с раздробленностью, неизбежно порождаемой режимами доминирования. По мнению Эрнесто Агилара, основателя организации «Цветные люди» (People of Color), это подразумевает противостояние «внутреннему расизму белых»[10] и помощь цветному населению в проработке «собственного внутреннего расизма». Под этим имеется в виду отказ от «конкурентных, эгоцентричных отношений доминирующего общества»[230]. Размышляя о борьбе коренных народов Черепашьего острова (так называют Северную Америку некоторые активисты движения за права коренных народов), профессор и активист Тайяке Альфред представляет несколько иной взгляд, более прочно связывающий привилегии с культурой и традициями. С его точки зрения, решение проблемы привилегий подразумевает искоренение западных предубеждений, лежащих в основе доминирования. «Подавляющее большинство белых воспитываются как индивидуалисты и просто не могут принять тот факт, что они не главные и никогда не будут главными и что они не могут высказать или навязать свои взгляды на ситуацию, в которой оказались»[231].

Анархистская дискуссия о классах и интерсекциональности порождает две большие темы: о формировании масс и об их внутренней сплоченности. Ландауэр однажды подчеркнул сложность изменений, к которым стремились анархисты его времени, когда описывал государство как условие, «определенные отношения между людьми» и «тип поведения», разрушающийся «в результате иного отношения друг к другу»[232]. Дебаты о классах и

интерсекциональности показывают, насколько высокие цели ставит перед собой анархистский активизм.

Версия #2

Зверобой создал 11 апреля 2025 15:09:19

Зверобой обновил 11 апреля 2025 15:27:28